

ГОРОДИЩЕ ЧЕГАНОВО 3 В НИЖНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ

О. Ю. Зимина, В. А. Зах, С. Н. Скочина,
П. А. Колмогоров, В. Т. Галкин, О. М. Аношко

В эпоху поздней бронзы в пограничье лесостепи и тайги в Нижнем Притоболье расселялись носители сузгунской и бархатовской культур. Южно-таежное Притоболье являлось западной окраиной ареала первой, преемницы традиций федоровской культуры и населения, оставившего комплексы с гребенчато-ямочной керамикой, а лесостепную территорию занимала бархатовская культура, унаследовавшая андроновские (федоровские) традиции. На границе ареалов происходило активное взаимодействие между этими культурными образованиями, выразившееся в появлении смешанных сузгунско-бархатовских материалов. Это взаимодействие отражает городище Чеганово 3, сузгунском керамическом комплексе которого выделяется группа посуды с явными бархатовскими чертами и смешанного бархатовско-сузгунского облика.

Городище расположено на останце высокой террасы, на высоте на 2,5 м от уровня воды древней старицы р. Тобола, в 1,5–2 км к юго-западу от д. Чеганово Ярковского района Тюменской области. На укрепленной площадке размерами 25×12 м зафиксировано пять западин размерами 3,5×2,5 м. Укрепления состоят из трех валов и двух рвов, опоясывающих часть террасы в виде полукруга. Размеры валов варьируют от 3 до 7,5 м при наибольшей высоте 1,2 м, ширина рвов составляет 2,5–3 м при глубине 0,3 м. В северной части городища в ров врезано шесть жилищ размерами от 4×3,5 до 8,5×8 м, глубиной 0,3–0,9 м. В северной части к городищу, частично врезаясь в достаточно пологий в этом месте вал, примыкают девять западин размерами от 3,5×3 до 9,5×9 м, глубиной 0,4–1 м. Городище разрушается при паводках и заполнении старицы водой, а также проселочной дорогой, проходящей через памятник (рис. 1, А).

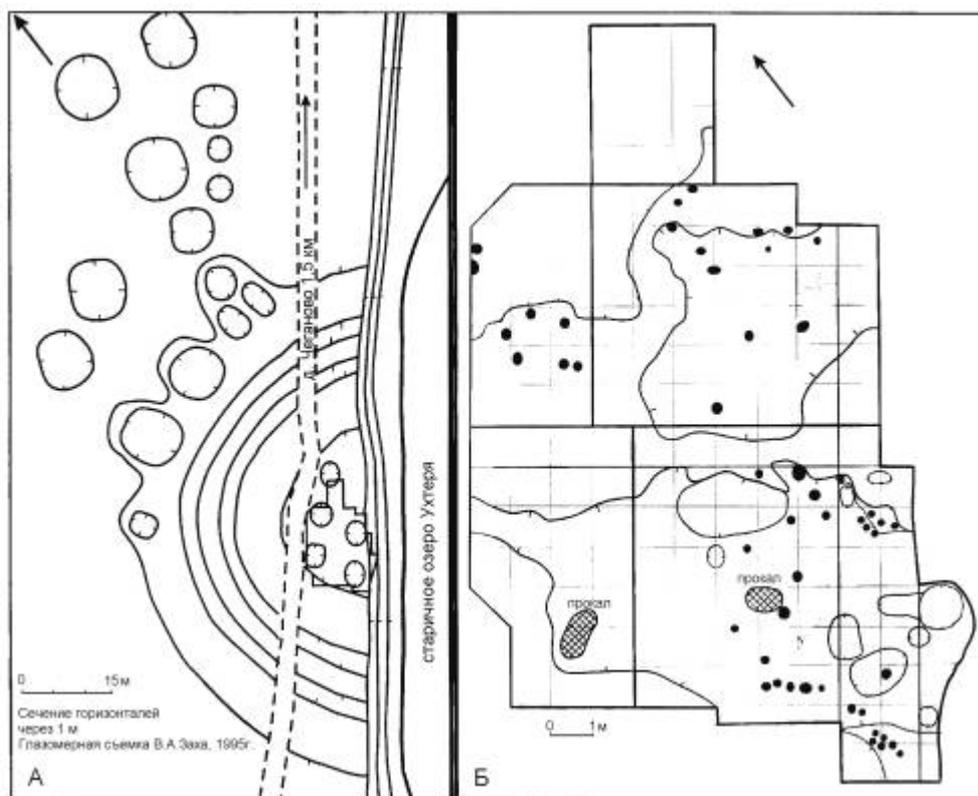

Рис. 1. План городища Чеганово 3 (А) и план раскопа (Б)

Городище было открыто в 1985 г. В. А. Захом. Им же вдоль края обрыва на западине 1 заложен рекогносцированный раскоп размерами 3×3 м. Исследована часть восточной стенки жилища, уг-

лубленной в материк на 0,38 м. Внутри и за пределами котлована жилища находились столбовые ямки размерами 0,1–0,18 м, глубиной до 0,37 м и хозяйственные ямы размерами от 0,45–0,35 до 1,5–1,5 м, глубиной до 0,22 м. На разрезах фиксировались: дерново-подзолистый слой (дерн) — 0,04 м, черная супесь — 0,08 м, коричневая супесь — 0,19 м, черная супесь — 0,34 м, материк — белая супесь. В верхнем горизонте и в заполнении постройки обнаружено около 200 фрагментов керамики, 17 костей животных, каменная булава, 7 глиняных «катушек», 5 глиняных грузил, глиняное ложило и 2 изделия из глины.

В 1990 г. исследования на городище были продолжены В. Т. Галкиным. Раскопы площадью 135 м² охватил жилище 1 и территорию к востоку от него. В результате изучены остатки сооружения 1 и частично две расположенные рядом постройки (рис. 1, Б).

С городища происходят значительная коллекция посуды и набор инвентаря эпохи поздней бронзы. В верхних слоях культурных отложений найдены фрагменты 42 сосудов эпохи раннего железа и несколько обломков средневековых сосудов.

Инвентарь

Инвентарь городища представлен в основном разнообразными изделиями из глины: грузилами, пряслицами, «катушками», шарами, дисками, предметами, выточенными из стенок сосудов, и мелкой пластикой. Из камня изготовлены булава, обломок топора, точильный брусок, отбойник-ретушер и ложило.

Единственное бронзовое изделие — *кольцо* в полтора оборота (рис. 2, 5).

Грузила. Имеют один продольный, или два перекрещивающихся желобка (рис. 2, 1–4). Грузила с одним желобком округлые, уплотненные в сечении, их 15 экз. целых и 15 обломков, из которых 5 экз. орнаментированы (рис. 2, 4). Изделий округлых, ромбовидных в сечении 8 экз., из них 4 экз. орнаментированы (рис. 2, 1). У пяти подпрямоугольных грузил желобок прочерчен палочкой, у четырех — пальцем (рис. 2, 2). У семи грузил с перекрещивающимися желобками последние сформированы пальцем, у шести — палочкой (рис. 2, 3). Все типы грузил характерны как для эпохи бронзы, так и для последующих периодов [Косарев, 1979. С. 23–25; 1981. С. 136–138].

Глиняный диск (10,5·5,0·4,2 см), лепной, в центре отверстие диаметром 2 см. Иногда подобные диски интерпретируются как массивные грузила [Косарев, 1979. С. 23; 1981. С. 138, рис. 50, 20; с. 158, рис. 61, 28].

Пряслица. Лепные, 5 экз. (рис. 4, 4). Одно из них биконическое, три — округлой формы. На одном экземпляре с двух сторон наколами нанесен узор в виде расходящихся лучей. Такие изделия различных форм, как лепные, так и точеные из стенок сосудов, встречаются на разных позднебронзовых памятниках [Мошинская, 1957. С. 119; Потемкина и др., 1995. С. 48; Матвеев, 1999. С. 107; Чича..., 2004. С. 102, рис. 148, 3].

«*Катушки*». Самая массовая категория инвентаря (58 экз. целых и 102 обломка) (рис. 2, 8). Все изделия лепные, представляют собой стержни с расширениями с двух сторон (шляпками), которые незначительно различаются по форме шляпок и размерам. У большинства «катушек» длина около 5 см, шляпки плоские. У пяти «катушек» шляпки выпуклые. У четырех миниатюрных «катушек», длина которых 2,5 см, шляпки с одной стороны вогнуты. Изготовлены из керамического теста с большой примесью органики. Под микроскопом на поверхности вогнутой части некоторых «катушек» заметны неглубокие короткие слабо выраженные линии, перпендикулярные оси изделия.

Этот вид изделий является своеобразным индикатором бархатовской культуры и не имеет аналогов в других синхронных комплексах сопредельных территорий. Единичные экземпляры «катушек» присутствуют на памятниках пахомовской и черкаскульской культур: на пахомовском селище Оськино Болото [Ткачев, 2002], а также на поселении Большой Имбиряй 10, материалы которого свидетельствуют о тесных контактах пахомовского и черкаскульского населения [Матвеев, 2004]. Это взаимодействие, по мнению А. В. Матвеева, привело к складыванию бархатовской культуры [Матвеев, 1999].

Отдаленные параллели бархатовским «катушкам» находим в культуре ноа Восточной Европы XIV–XIII вв. до н. э. [Эпоха бронзы ..., 1987. С. 109–113, рис. 52, 12] и юхновской культуре раннего железного века на Средней Десне [Падин, 2004]. Они трактуются по-разному, например как грузила для рыболовных сетей. В классификации С. И. Эверстова похожие изделия причислены к подтипу позвонковидных цилиндрических глиняных грузил [Эверстов, 1988. С. 111]. Миниатюрные «катушки» с продольным сквозным отверстием с Красногорского и Коловского городищ находят аналогии с предметами, отнесенными М. Ф. Косаревым к грузилам эпохи раннего металла [Косарев, 1979. С. 23, рис. 1, 20]. Очень отдаленно они напоминают более легкие и вытянутые грузила сигаровидной формы андреевской культуры эпохи энеолита [Ковалева, 1995. С. 53, рис. 7]. У носителей юхновской культуры катушковидные изделия служили пряслицами или грузиками для веретена, но они имели продольное отверстие [Падин, 2004]. Среди бархатовских «катушек» фиксируются только единичные экземпляры с отверстиями. Однако не исключена возможность применения этих предметов в качестве грузиков-гирек для ткацких станков, тем более что в материалах бархатовских памятников пряслица немногочисленны по сравнению с поселениями многих

культур эпохи поздней бронзы и раннего железного века, где эта категория инвентаря одна из самых массовых. Вполне вероятно также, что «катушки» могли использоваться для наматывания ниток, веревок, волокон. Однако это предположение требует дальнейшего подтверждения экспериментальными исследованиями.

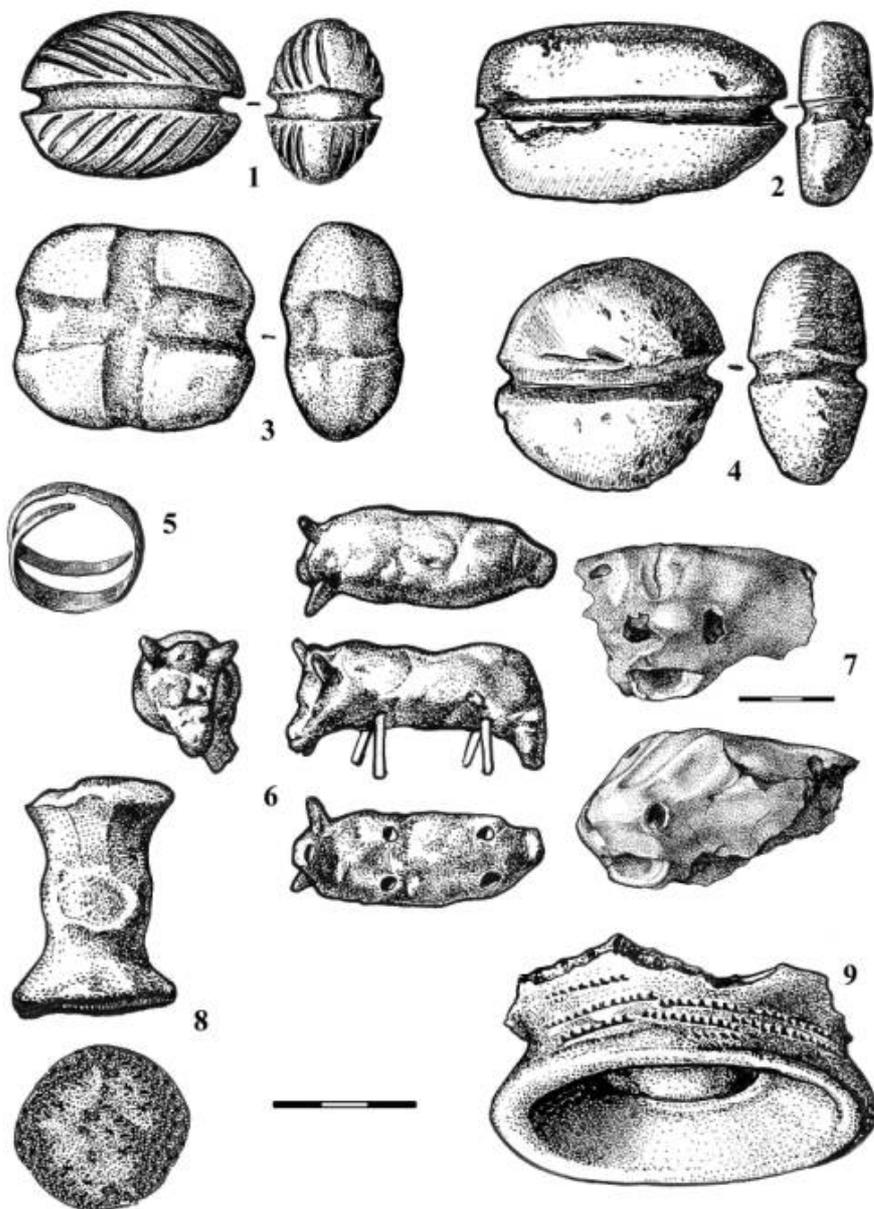

Рис. 2. Инвентарь городища Чеганово 3:
1-4, 6-9 — глина; 5 — бронза

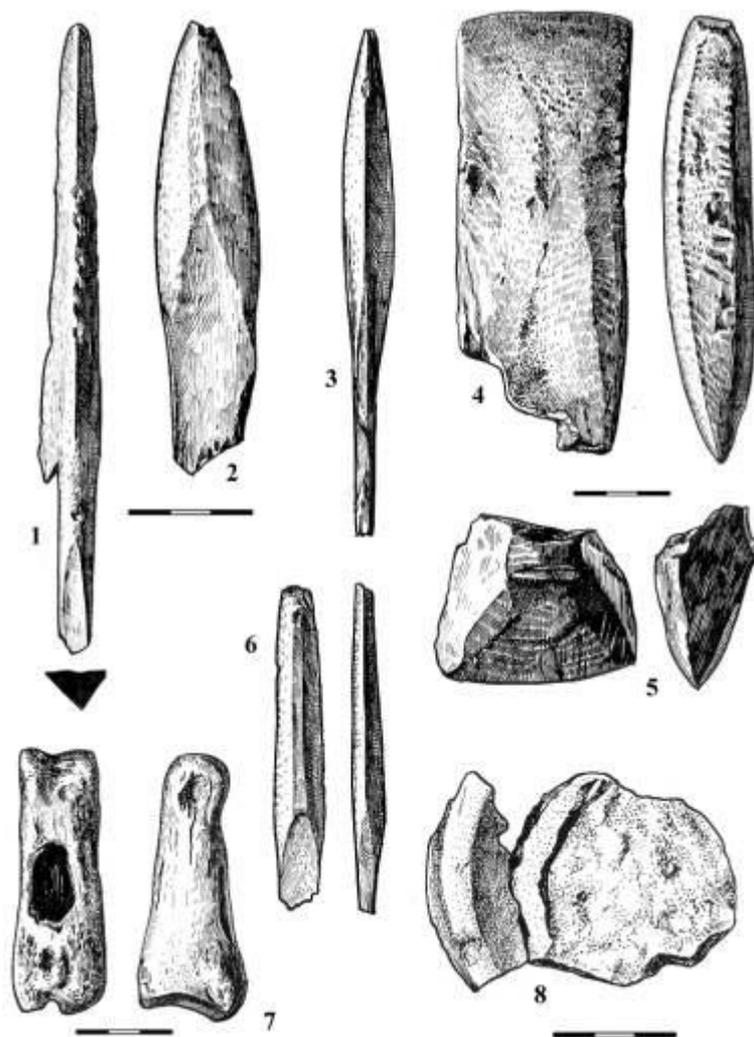

Рис. 3. Инвентарь городища Чеганово 3
(1–4, 6–7 — кость; 5 — камень, 8 — глина)

Глиняные шары, (3 экз). Два шара выполнены небрежно, у третьего поверхность заглажена, имеется углубление, сделанное палочкой; использовалось, возможно, как навершие. Подобные предметы встречаются на поселениях пахомовской, межовской и ирменской культур, присутствуют на памятниках красноозерской культуры. Могли использоваться для игр или в качестве грузил для сетей, рассматривается и возможность их применения в качестве приспособлений для ловли птиц [Потемкина и др., 1995. С. 48].

Точеные предметы из стенок сосудов, (14 экз). Изделия округлой формы с полностью или частично зашлифованными краями, возможно заготовки для пряслиц, иногда интерпретируются как «фишки» (рис. 4, 2, 3). Представляют интерес изделия подтрапециевидной формы, высотой 3,5 см, все края которых пришлифованы, так, что местами образовались грани. У некоторых один поперечный край вогнут, выступающие части выкрошены. Еще одно изделие подпрямоугольной формы имеет один вогнутый пришлифованный край, в поперечном сечении прямой, другой — выпуклый, с линейными следами от пришлифовки. Назначение предметов не ясно. Можно предположить, что они использовались для заключительной полировки округлых деревянных изделий. Вместе с тем по очертаниям эти предметы схожи с зооморфными изображениями, в частности, из бархатовского строительного горизонта Коловского городища в Приисетье [Матвеева и др., 2005. С. 126–127, рис. 6, 11].

Рис. 4. Инвентарь городища Чеганово 3:
1 — камень; 2–4 — глина

В коллекцию предметов из керамики входят также 15 скребков для обработки шкур, выполненные из стенок и венчиков сосудов.

Глиняные «кирпичики». Часто встречаются на бархатовских, сузгунских, пахомовских и других поселениях. Представляют собой округлые или овально-приплюснутые небрежно сформованные и плохо обожженные лепешки различной толщины [Потемкина и др., 1995. С. 49; Матвеев, 1999. С. 106–107]. Большое количество обломков «кирпичиков» обнаружено и на городище Чеганово 3.

Глиняная пластика. Найдено два объемных зооморфных изображения: фигурка волка с отверстиями для палочек — ног (рис. 2, 6) и голова животного (рис. 2, 7). Мелкая глиняная пластика — специфичная черта материальной культуры населения позднего бронзового века, не обнаруживающая истоков в более древних андроновских комплексах. Зоо- и антропоморфные фигурки встречаются на бархатовских Красногорском городище, поселении Заводоуковское 10 [Матвеев, 1999. С. 107]. Мелкая глиняная пластика в большом количестве встречена на городище Чича 1 [Молодин и др., 2003. С. 333–340].

Каменный инвентарь малочислен. Обнаружен обломок массивного шлифованного *тесла* (нет верхней обушковой части) (рис. 3, 5). Тесло трапециевидной в плане и сечении формы, толщиной 3,5 см, имеет асимметричное чуть выпуклое лезвие шириной 6,5 см. *Точильный брусок* размерами 5,6×4,5×1,6 см сделан из светло-зеленого сланца. Имеет подпрямоугольную в плане и сечении форму. На двух продольных краях отмечаются неглубокие желобки, еще один желобок намечен на поперечном крае, поверхность изделия частично зашлифована. В состав коллекции входят два *орудия из галек*. Одно, размерами 2,9×2,7×1,6 см, использовалась как *лощило для шкуры*. Другое, размерами 5,0×4,2×3,2 см, — как *отбойник-ретушер*. На его зауженном конце видны следы забитости, на противоположной поверхности есть выкрошенность, локализуемая крест-накрест.

Интересна «булава», выполненная из шлифованной темно-зеленоватой сланцевой породы, размерами 5,5×7,3 см (рис. 4, 1). Изделие усеченно-конусовидной, округлой формы, в сечении круглое, в центре имеется сверленное отверстие диаметром 2 см в верхней части, сужающееся до 1,4 см в нижней, широкой части. Два подобных изделия происходят из подъемного материала поселения Щетково-2 и с межовской стоянки Старо-Кабановская 2 [Матвеев????; Обыденнов, 1998. С. 33].

Костяные изделия также малочисленны, сохранность их плохая.

Костяные наконечники стрел, 4 экз. Все черешковые. Три вытянуто-треугольной формы, два из них в сечении ромбические, третий усеченно-ромбический, с остроугольным острием и сходящим на нет черешком (рис. 3, 2, 3, 6). Четвертый наконечник удлиненно-треугольный, шипастый (рис. 3, 1), в сечении ромбический, черешок в сечении круглый, постепенно сходящий на нет. Наконечники стрел такого типа встречаются и в более позднее время [Косарев, 1981. С. 158; Погодин, Труфанов, 1993. С. 101; Чича..., 2004].

Костяная развертка со специально затупленным острием, использовалась при обработке кожаных изделий.

Тесло из рога (14×5,2×2,9 см) в плане прямоугольной, в сечении трапециевидной формы, лезвие чуть ассиметричное, профиль изогнут (рис. 3, 4).

Орудие, выполненное на расщепленной кости с продольным желобом, со стороны пористой структуры пришлифовано абразивом, острое сломано, возможно, использовалось как *кочедык*.

Керамика

В результате исследований городища обнаружено 445 сосудов (по венчикам), из них 9 археологически целые, 15 реконструированы на две трети. Посуда изготовлена из хорошо промешанного теста с добавлением шамота и песка. Черепок плотный, судя по всему, органические добавки в тесте отсутствуют. Поверхность сосудов тщательно заглажена с внешней, и внутренней сторон. Обработка поверхности производилась твердым орудием с хорошо подготовленным рабочим краем, чаще по подсохшей поверхности. Сосуды изготовлены жгутовым налепом. Отмечаются донный, и емкостный начини. В коллекции есть доньшки, формовка которых осуществлялась как на твердой, так и на мягкой основе. Венчик изготавливался отдельно из двух небольших жгутов и приставлялся к готовой емкости¹[1].

Типологически посуда поздней бронзы может быть разделена на три группы.

Первую группу составляют плоскодонные сосуды с широким, диаметром 15–31 см устьем, со слегка отогнутой прямой или вогнутой шейкой, округлым или приостренным срезом венчика. В этой группе можно выделить две подгруппы горшков. В первую включены хорошо профилированные сосуды с выпуклыми плечиками и слегка раздутым туловом. Вторую подгруппу составляют слабопрофилированные горшки.

Во вторую группу входят хорошо профилированные плоскодонные горшки с небольшим, диаметром 12–18 см устьем и сильно раздутым туловом, которые можно назвать кувшинами (рис. 9, 2, 4, 5).

Третья группа — два небольших круглодонных сосуда высотой около 12–15 см, с широким, диаметром 20 см устьем, и узкогорлый, диаметром 12 см (рис. 8, 6), а также пять миниатюрных круглодонных чаш диаметром устья 6–8 см, высотой 3–5 см.

Выделенные группы сосудов характерны как для сузгунского, так и для бархатовского керамического комплекса. Среди сосудов первой и второй групп городища часто встречаются экземпляры с утолщением в основании шейки, что является признаком, свойственным бархатовской посуде. Узкогорлым сосудам более присуща бархатовская профилировка, часто с утолщением шейки. Сосуды круглодонных форм более характерны для сузгунских комплексов [Потемкина и др., 1995. С. 57; Полеводов, 2003. С. 14].

В коллекции имеется орнаментированный поддон (рис. 2, 9). Сосуды на поддонах в незначительном количестве встречаются в керамических комплексах федоровских и пахомовских памятников, но не известны в сузгунских [Потемкина и др., 1995. С. 62].

Вся посуда, обнаруженная на городище, за небольшим исключением, орнаментирована (табл. 1). Незначительная часть сосудов не имеет орнамента либо украшена только рядом ямок или каплевидных вдавлений по шейке, только рядами желобков, иногда в сочетании с ямками. Среди орнаментированных выделяются сосуды с узорами свойственными лишь бархатовским или лишь сузгунским керамическим комплексам, но многие сосуды сочетают орнаменты, характерные как для сузгунской, так и для бархатовской культуры.

Для характеристики морфологических и орнаментальных особенностей чегановского комплекса проведена статистическая обработка 214 сосудов (по венчикам). Анализируемый комплекс визуально разделен на две группы, в первую вошли сосуды с доминирующими бархатовскими чертами (111 экз.) (рис. 5, 7), во вторую — посуда с сузгунскими элементами орнамента (103 экз.) (рис. 6, 8).

Сосуды с отчетливо выраженными бархатовскими чертами имеют прямую слегка отогнутую или вогнутую шейку, у 40,5 % имеется утолщение в основании шейки. Горшки имеют преимущественно округлый срез венчика (60,4 %), приостренный отмечен в 37,8 % случаев.

Орнамент нанесен только на шейку и плечико. На 6,3 % сосудов под венчиком на внутренней стороне шейки зафиксированы оттиски гладкого штампа. В технике нанесения орнамента доминирует гладкий штамп (84,7 %). Прочерчиванием (15,3 %) выполнены горизонтальные и вертикальные линии. Гребенчатый (7,2 %) и фигурные (уголки — 8,1 %, скобочки — 11,7 %) штампы использовались значительно реже. Рельефные узоры представлены каплевидными вдавлениями (47,7 %), значительно реже — круглыми (18 %) либо аморфными (11,7 %) ямками, нанесенными в один ряд на шейку. В редких случаях каплевидные вдавления сгруппированы попарно (7,2 %). На тулове некоторых сосудов бархатовского облика отмечается один ряд ямок или вдавлений. Сосуды с жемчужинами на шейке единичны (1,8 %) (рис. 5). Довольно часто в переходной к плечику зоне расположено формованное утолщение в виде валика (24,3 %), примерно в половине случаев поверх валика оттисками гладкого штампа нанесена горизонтальная елочка. Желобки — редкий элемент узора на посуде бархатовской группы (0,9 %). На горловинах сосудов отмечены следую-

11[1] Определения сделаны О. Е. Пошехоновой, за что авторы приносят ей благодарность

щие сочетания элементов узора: ряды наклонных оттисков, горизонтальная елочка или сетка под срезом венчика, одно- и трехрядовые зигзаги в средней зоне шейки, ряд каплевидных вдавлений или круглых ямок при переходе к плечу. Часто вместо зигзагов нанесены один или несколько рядов скобочек, реже — столбики горизонтальных или наклонных оттисков (2,7 %), «флажки» (4,5 %). Иногда на шейках встречается сочетание только двух элементов (сетки, елочки, наклонных оттисков и каплевидных вдавлений либо ямок). Для украшения плечиков использовались преимущественно те же элементы: горизонтальная елочка, ряды наклонных оттисков, флажки, зигзаги, скобочки, сетка, часто отделенные друг от друга прочерченными горизонтальными линиями. Гораздо реже встречаются вертикальный зигзаг, ряд углового штампа, заштрихованные ленты и треугольники вершинами вниз. На чегановской посуде с доминированием бархатовских черт присутствует и такой характерный элемент бархатовского декора, как разбивка орнаментального поля двумя вертикальными линиями (9,9 %) (рис. 5, 1, 6, 8, 12; 9, 1, 2), который, по мнению А. В. Матвеева, имитирует отсутствующие на изделиях ручки [Матвеев, 1999. С. 109].

Таблица 1

Орнаментация керамики городища Чеганово 3

№ п/п	Признак	Всего		№ п/п	Признак	Всего	
		количество	%			количество	%
	Техника			16	Вертикальные оттиски штампа	13	6,1
1	Гладкий штамп	122	57,0	17	Горизонтальная елочка	79	36,9
2	Гребенчатый штамп	69	32,2	18	Заштрихованные ленты	10	4,7
3	Прочерченный	25	11,7	19	Лента с горизонтальной елочкой	1	0,5
4	Прочие (резные, насечка, наколы, вдавления, фигурные штампы)	36	16,8	20	Лента с ямочными вдавлениями	1	0,5
5	Угловой штамп	23	10,7	21	Линия, разбивающая по вертикали орн. поле	11	5,1
6	Скобочка	44	20,6	22	Линия с горизонтальным зигзагом	3	1,4
	Орнамент			23	Сетка	19	8,9
	<i>Рельефный</i>			24	Ромбы	4	1,9
7	Круглая ямка	104	48,6	25	Треугольники вершинами вниз	3	1,4
8	Ромбическая ямка	1	0,5	26	Прямоугольные треугольники	1	0,5
9	Аморфная ямка	13	6,1	27	Вложенные уголки	2	0,9
10	Жемчужина	2	0,9	28	Флажки	5	2,3
11	Каплевидные вдавления	63	29,4	29	Столбики	3	1,4
12	Валик	34	15,9	30	Дорожка (неорн.)	6	2,8
13	Каннелюр (<i>желобок</i>)	33	15,4	31	Горизонтальные зигзаги (одно- и многорядовые)	57	26,6
	<i>Плоскостной</i>			32	Вертикальный зигзаг	6	2,8
14	Горизонтальные линии	45	21,0	33	Ряды скобочек (1–4 ряда и более)	56	26,2
15	Наклонные оттиски штампа	123	57,5				

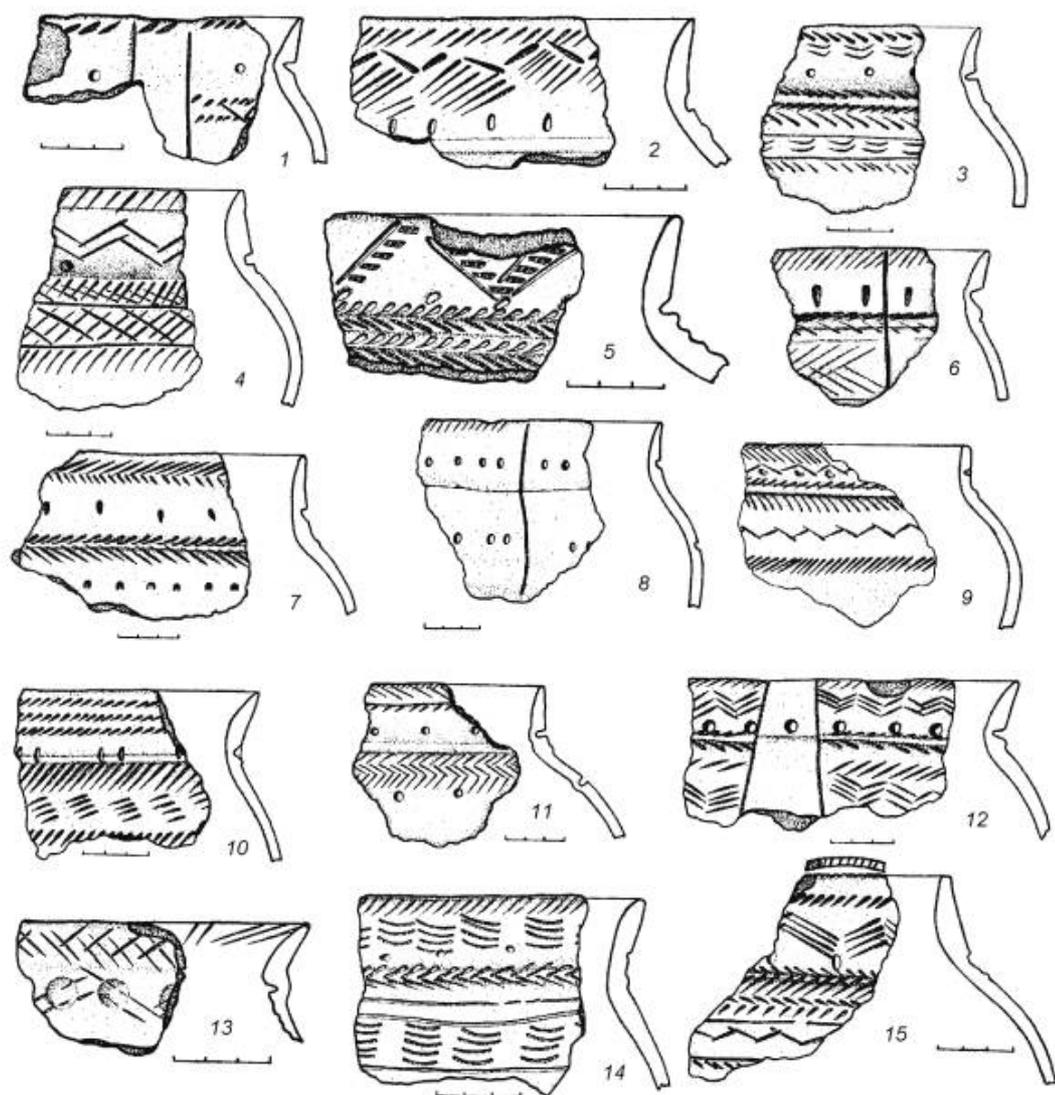

Рис. 5. Керамика городища Чеганово 3

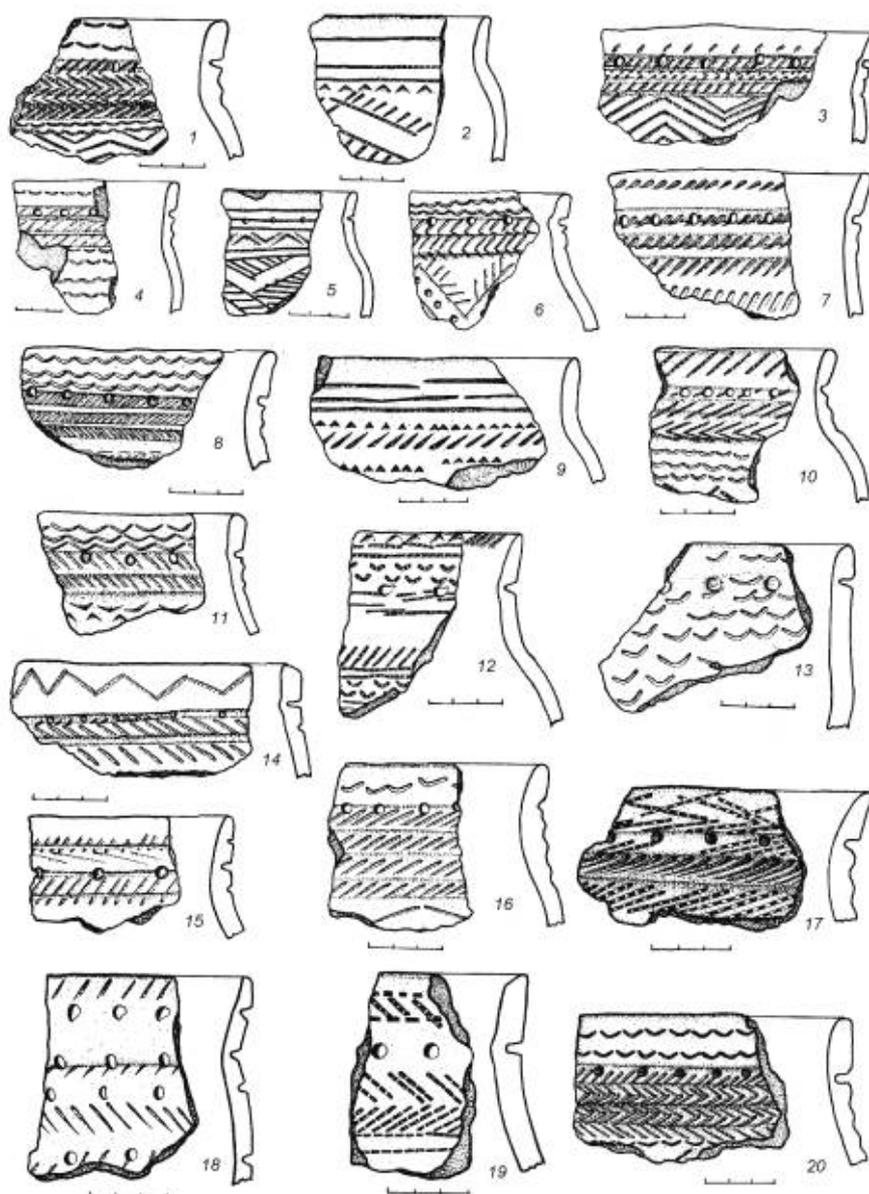

Рис. 6. Керамика городища Чеганово 3

Группу посуды сузгунского облика характеризует большее количество слабопрофилированных емкостей (см. рис. 6, 8). Орнамент нанесен более плотно и преимущественно гребенчатым (59,2 %) или фигурными штампами в виде скобочки (30,1 %) и уголка (13,6 %), гладкий штамп использован реже (27,2 %). Рельефные узоры — в подавляющем большинстве случаев круглые ямки (81,6 %), наносились в один ряд на горловину или в несколько рядов на тулово и придонную часть. На шейках сосудов встречаются узоры из рядов наклонной или вертикальной сетки, одного или нескольких рядов скобочек, прямоугольных треугольников, горизонтальных линий. Ряды вертикальных или горизонтальных линий узора иногда обрамлены скобочками или горизонтальными линиями. Валики отмечены в небольшом количестве (6,7 %). Преобладают желобки (31,1 %), преимущественно в несколько рядов в переходной зоне от шейки к плечу, украшенные наклонными оттисками штампа или горизонтальной елочкой (рис. 6, 1, 8, 16, 20). Этот элемент является характерным признаком пахомовской и сузгунской орнаментики [Потемкина и др., 1995. С. 62]. В этой зоне встречается и неорнаментированная («лощенная») полоса (5,8 %), которая так же присуща сузгунской посуде [Мошинская, 1957. С. 120].

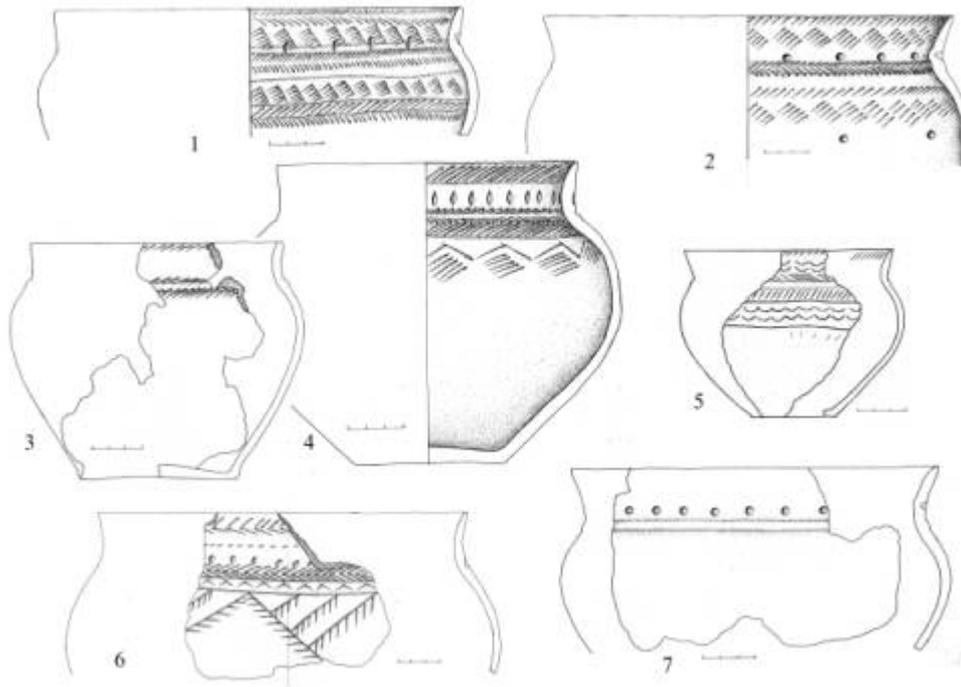

Рис. 7. Керамика городища Чеганово 3

Незначительное количество целых сузгунских сосудов не позволяет в полной мере охарактеризовать всю орнаментальную схему. Можно лишь отметить, что встречаются горшки как полностью орнаментированные, так и украшенные наполовину. На плечико мог наноситься ряд одинарных или вложенных уголков, скобочек, иногда — наклонных оттисков штампа и многорядовый зигзаг. Ряды наклонных оттисков, скобочек, елочки, сетки в основном расположены в верхней части тулова. Иногда они чередуются или разделены рядами горизонтальных линий или ямками либо их сочетанием. На реконструированных сосудах средняя часть тулова украшена заштрихованными лентами, ромбами или многорядовым зигзагом (см. рис. 8).

С одной стороны, выделенные группы посуды демонстрируют типичные для каждой из культур орнаментальные признаки. Для бархатовской характерно утолщение в основании шейки, доминирование гладкого штампа, разреженность орнамента, украшение преимущественно верхней части сосуда, каплевидные вдавления, вертикальная разбивка орнаментального поля, жемчужины; для сузгунской — высокий процент слабопрофилированных горшков и емкости с округлым дном, более плотный орнамент, нанесенный на всю поверхность сосуда, преобладание гребенчатого штампа, широкое использование скобочек и рядов ямок по тулову. Характерна для сузгунской посуды и подлощенная неорнаментированная полоса. С другой стороны, стратиграфическая неразделенность этих групп керамики и ярко выраженное взаимное влияние, проявившееся в большей степени на ряде сосудов бархатовской группы (например, более плотно нанесенный орнамент, многорядовые оттиски фигурного штампа в виде скобочки), свидетельствуют о смешанности керамического комплекса городища. Доминируют в нем сузгунский компонент, что подтверждается результатами кластер-анализа орнаментации керамики Чеганово 3, бархатовских поселений и сузгунского городища Чудская Гора (рис. 10).

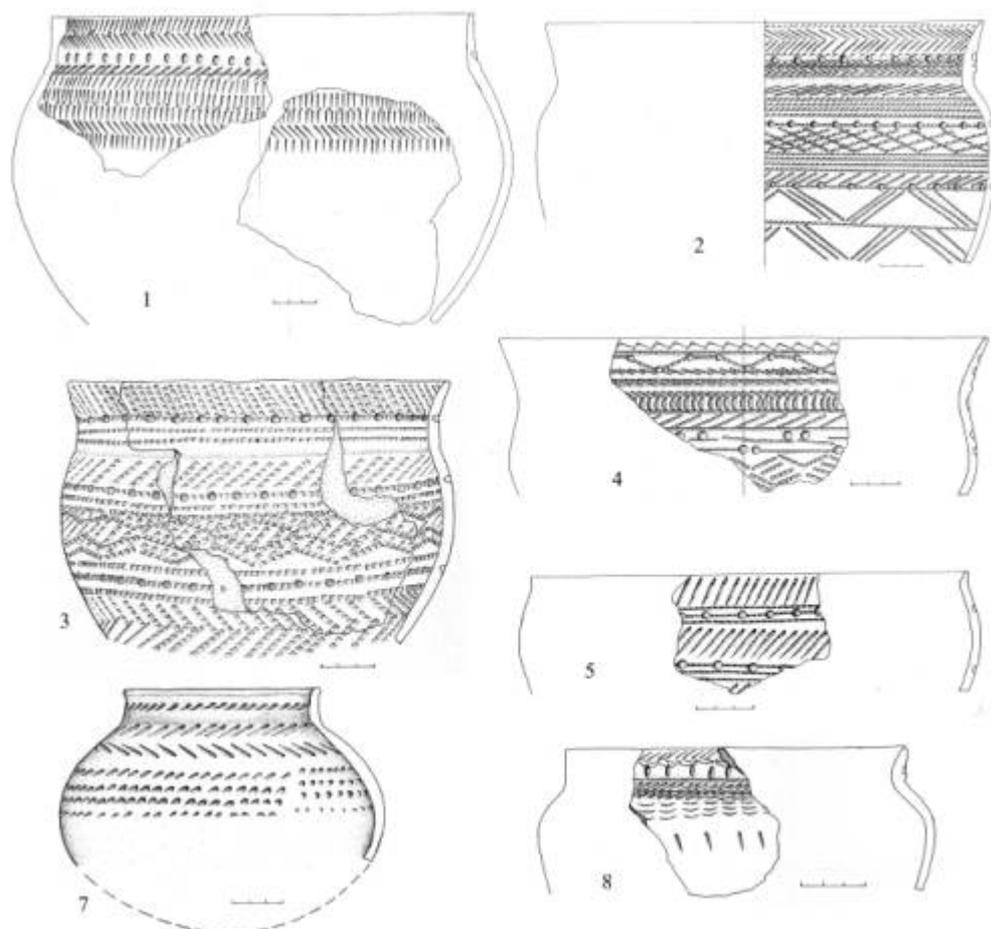

Рис. 8. Керамика Городища Чеганово 3

В свое время один из авторов статьи, характеризуя хронологию сузгунских памятников, датировал городище Чеганово 3 IX–VIII вв. до н. э. — заключительным этапом существования сузгунской культуры. Подобная датировка объяснялась отсутствием в Нижнем Приоболье и Тобольском Прииртышье следов миграции культур с крестовым орнаментом на посуде. По его мнению, на этих территориях происходила постепенная трансформация материальной культуры сузгунцев, которая выразилась в появлении сузгунско-бархатовских комплексов в Нижнем Приоболье и сузгунско-лозьвинских в Тобольском Прииртышье [Галкин, 1991. С. 17]. Тем не менее сопоставление чегановских материалов с комплексами бархатовской и сузгунской культур выявляет в орнаментации керамики городища черты, свидетельствующие, скорее всего, в пользу более ранней его хронологической позиции.

Так, группа посуды с доминированием бархатовских орнаментальных признаков демонстрирует низкий удельный вес жемчужин (0,9 %). В то же время для комплексов бархатовской культуры этот элемент является одним из маркеров более позднего хронологического положения. А. В. Матвеев отмечает, что для неукрепленных поселений, расположенных на низких гипсометрических отметках, процент посуды с жемчужинами минимален (3,4 %). Вместе с тем на городищах, занимающих более высокие гипсометрические позиции, доля такой посуды велика (более 50 %) [Матвеев, Аношко, 2001. С. 31–32]. Статистическое сравнение с учетом других декоративно-морфологических особенностей условно выделенной группы бархатовской керамики также демонстрирует близость рассматриваемого комплекса к памятникам раннего этапа бархатовской культуры (Язево 1, Камышное 2, Щетково 2). С другой стороны, возможно, малый процент жемчужин на чегановской посуде следует связывать с влиянием сузгунской орнаментальной традиции.

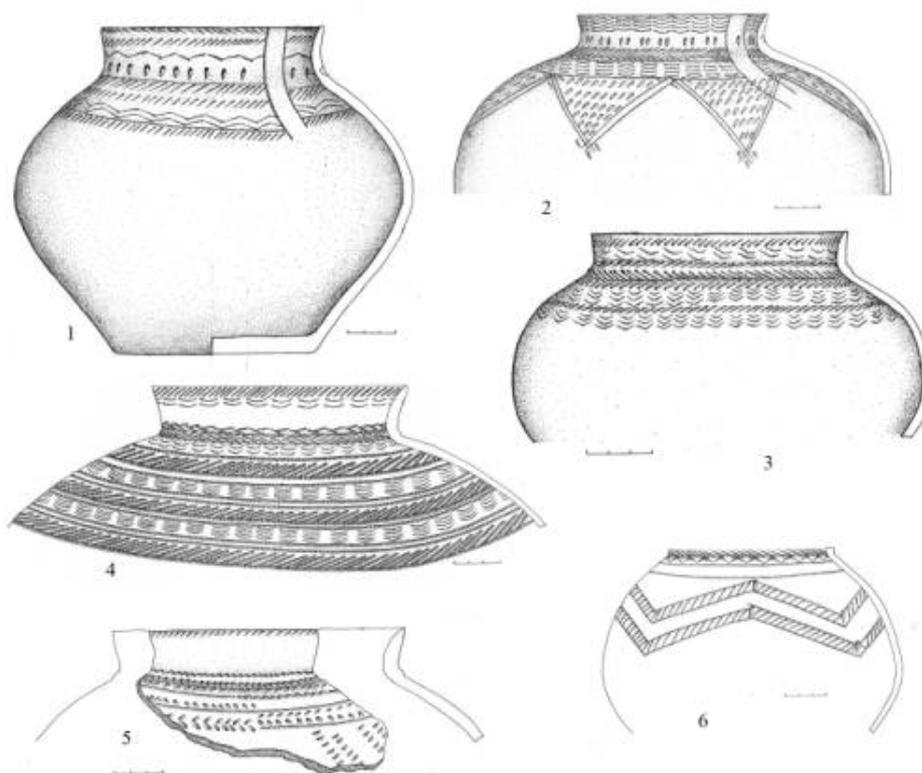

Рис. 9. Керамика городища Чеганово 3

Как для бархатовской, так и для сузгунской культуры исследователи отмечают возникновение укрепленных поселений лишь на поздних этапах. А. В. Полеводов датирует собственно сузгунские комплексы первой четвертью I тыс. до н. э., а позднесузгунские — VIII–VII вв до н. э. [2003. С. 17]. Радиоуглеродная дата 2850 ± 30 л. н. для городища Чудская Гора определяет возраст сузгунского комплекса — 900 г. до н. э., или рубеж X–IX вв. до н. э. [Потемкина, и др., 1995. С. 70]. Бархатовские городища в рамках красногорского этапа бархатовской культуры были отнесены к началу I тыс. до н. э. [Матвеев, Аношко, 2001. С. 32]. С этих позиций городище Чеганово 3 также должно датироваться концом завершающего этапа позднебронзового времени. Однако в связи с последними исследованиями памятников переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку в Нижнем Притоболье такая датировка памятника требует уточнения. В переходный период на этой территории распространяются комплексы иткульской культуры. Их появление в подтаежной зоне Притоболья по данным радиоуглеродного датирования относится к IX — началу VIII в. до н. э. [Зими́на, 2003]. В облике керамики памятников переходного времени Нижнего Притоболья отсутствуют следы влияния сузгунской орнаментальной традиции, в отличие от красноозерской культуры Иши́мо-Ирты́шья, в орнаментации которой этот компонент проявился достаточно отчетливо (в виде ямочных узоров, скобок). Декоративно-морфологические особенности притобольской посуды переходного времени обнаруживают больше черт, которые можно соотнести с бархатовской традицией. Поэтому можно высказать предположение, что носители сузгунской культуры примерно к IX в. до н. э. покинули территорию Нижнего Притоболья и обосновались в Нижнем Прии́шимье и в южно-таежной части Приирты́шья, где при слиянии с таежным населением — носителями культуры с крестовой орнаментацией посуды создали красноозерскую культуру.

Таким образом, городище Чеганово 3 появилось и функционировало скорее всего, в конце II — самом начале I тыс. до н. э. Его возникновение как укрепленного пункта на границе лесных массивов и лесостепных просторов, вероятно, было обусловлено политической обстановкой, активизацией таежных групп населения и началом продвижения на юг их небольших коллективов — предвестников начинающегося переселения.

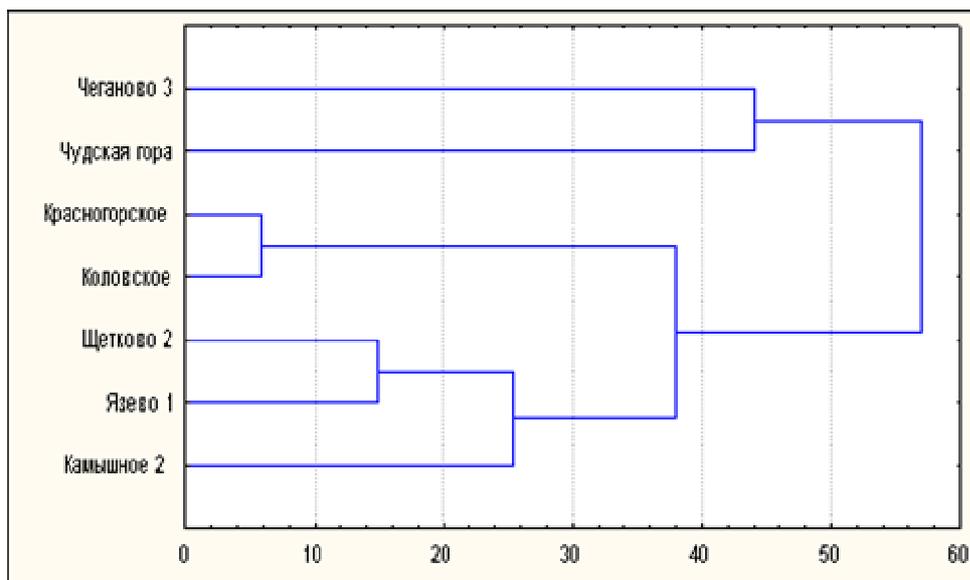

Рис. 10. Дендрограмма керамических комплексов городища Чеганово 3, сузгунского городища Чудская Гора (по: [Потемкина и др., 1995]) бархатовских поселений Язев 1 (II группа, подгруппа Б, Камышное 2 (II группа, подгруппа Б) (по: [Потемкина, 1985]), Щетково 2 и городищ Красногорское, Коловское) (по: [Матвеева, Аношко, 2002])

Хозяйство

О хозяйственной деятельности обитателей городища Чеганово 3, помимо орудийного набора, можно судить по данным исследования остеологических остатков. Палеозоологический материал представлен 290 определимыми костями и их фрагментами предположительно от 31 особи. Среди костей преобладают изолированные зубы, фрагменты нижних челюстей и кости конечностей. Тафономическая сохранность материала в целом средняя, с высокой степенью раздробленности. Большая часть палеозоологической коллекции с Чеганово 3 представляет собой кухонные отбросы. Часть костей с разной степенью интенсивности обожжены или покрыты копотью. Не исключено, что небольшое количество остеологических остатков на городище объясняется применением костей в качестве топлива в очагах, что зафиксировано исследователями на поселениях эпохи бронзы [Потемкина, 1985. С. 311]. Явных следов обработки на костях не обнаружено. Видовой состав животных представлен в табл. 2.

Таблица 2

Видовой состав млекопитающих на городище Чеганово-3

Вид	Количество	%
Крупный рогатый скот	144 / 11	49,7 / 35,5
Мелкий рогатый скот	21 / 3	7,2 / 9,7
Лошадь	81 / 5	27,9 / 16,1
Собака	2 / 2	0,7 / 6,5
Лось	37 / 5	12,8 / 16,1
Кабан	1 / 1	0,3 / 3,2
Косуля	1 / 1	0,3 / 3,2
Волк	1 / 1	0,3 / 3,2
Зяц-беляк	1 / 1	0,3 / 3,2
Выдра	1 / 1	0,3 / 3,2
Всего	290 / 31	99,8 / 99,9

Примечание. Здесь и далее в числителе — количество костей, в знаменателе — минимальное количество особей.

Весь костный материал можно разделить на принадлежащий домашним и диким видам животных (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение домашних и диких видов на городище Чеганово 3

Животные	Количество	%
Домашние	248 / 21	85,5 / 67,7
Дикие	42 / 10	14,5 / 32,3

Анализ остеологических остатков свидетельствует о преобладании на городище домашних животных, как по количеству костей, так и по минимальному числу особей. По соотношению диких и домашних видов можно предположить, что население городища занималось скотоводством, в стаде доминировал крупный рогатый скот, представленный рогатой, и комолой породами. Соотношение домашних видов животных, в частности большое количество крупного рогатого скота, указывает на придомный тип скотоводства. Однако рост роли лошади в стаде в позднебронзовое время по сравнению с предшествующим периодом, возможно, говорит о появлении новых методов выпаса скота. Не исключено, что некоторое изменение климатических условий в сторону увлажнения привело к долговременным половодьям и стоянию воды в поймах до конца лета, и это затруднило заготовку кормов на зиму. На террасах, которые значительно залесены, травы было мало. В связи с отсутствием запасов кормов население позднебронзового времени вынуждено было пасти скот зимой в поймах, методом тебеневки, когда лошадь, разгребая снег, поедала верхушки травостоя, а крупный и мелкий рогатый скот — остатки.

Крупный и мелкий рогатый скот использовали на мясо для получения молочных продуктов, кож и овчины. Из шерсти овец изготавливались ткань и, возможно, валяные изделия: кошмы, обувь и т. д. Немаловажную роль в хозяйстве позднебронзового населения играла лошадь — она служила для пополнения запасов мяса, верховой езды и в качестве тягловой силы.

По процентному соотношению домашних животных состав стада городища Чеганово 3 очень близок к составу стада у населения межовской культуры Зауралья конца бронзового века [Косинцев, Стефанов, 1989. С. 109]. Относительно большое количество диких видов животных, а также пропорция в составе стада допускает параллели с хозяйством бархатовских и пахомовских групп [Матвеев, 1999. С. 104–105].

Судя по долевого соотношению диких и домашних животных, охота не имела великого значения для населения городища Чеганово 3. Основным ее объектом был лось. Охота на пушных зверей определялась, скорее всего, внутренними потребностями.

Большое количество грузил, а также находки чешуи рыб в культурном слое городища свидетельствуют о том, что обитатели городища занимались рыболовством.

В целом хозяйство населения городища Чеганово 3 можно охарактеризовать как комплексное, в основе своей производящее (скотоводство), но с заметной ролью присваивающего компонента (охота и рыболовство). Кроме того, существовали домашние производства, в числе которых керамическое, кожевенное, деревообработка и предположительно ткачество.

Изучение городища позднебронзового времени Чеганово 3, имеет большое значение для понимания процессов, происходивших в пограничье леса и лесостепи накануне вторжения северных народов. Есть все основания согласиться с А. П. Бородовским в том, что городища с мощными укреплениями в южно-таежной и лесостепной зоне существовали в позднебронзовое время до массового проникновения в лесостепь северного населения — носителей культур с крестовой орнаментацией посуды [2003].

Литература

- Бородовский А. П. К вопросу о городищах переходного времени от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку в Новосибирском Приобье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 1. С. 264–269.
- Галкин В. Т. Сузгунская культура эпохи поздней бронзы в южнотаежном Тоболо-Иртышье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. 21 с.
- Зимина О. Ю. Керамические комплексы городища Карагай Аул-1 в Нижнем Приобье // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. Вып. 4. С. 49–53.
- Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.
- Косинцев П. А., Стефанов В. И. Особенности хозяйства населения лесного Зауралья и пришимской лесостепи в переходное время от бронзового века к железному // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск: УрО РАН, 1989. 109 с.
- Матвеев А. В. Зауралье в конце бронзового века и распад андроновского единства // Наука Тюмени на рубеже веков. Новосибирск: Наука, 1999. С. 93–124.
- Матвеев А. В. Отчет об археологических исследованиях на территории Тюменской области в 2005 г. // СаиЭ ИГИ ТюмГУ.
- Матвеев А. В., Аношко О. М. К проблеме хронологической дифференциации бархатовских древностей // Проблемы взаимодействия человека и природной среды: Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. Вып. 2. С. 29–32.
- Матвеева Н. П., Аношко О. М. Бархатовский комплекс Коловского городища // Вестн. ТюмГУ. 2002. № 2. С. 11–21.

- Матвеева Н. П., Аношко О. М., Цембалюк С. И. Новые материалы эпохи поздней бронзы из Приисетья // Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова, 2004. С. 174–179.
- Матвеева Н. П., Волков Е. Н., Матвеев А. В. Изучение этнокультурных ареалов и материальной культуры энеолита и бронзового века в Зауралье // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. Вып. 6. С. 118–128.
- Молодин В. И., Чемякина М. А., Парцингер Г., Новикова О. И., Ефремова Н. С., Гришин А. Е., Марченко Ж. В. Глиняные скульптурки городища Чича 1 // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. Кн. 1. С. 330–340.
- Мошинская В. И. Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // МИА. № 58. 1957. С. 114–135.
- Обыденнов М. Ф. Межовская культура. Уфа, 1998. 123 с.
- Полеводов А. В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири. Автореф. дис. ... канд.ист.наук. М., 2003. 22 с.
- Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. Москва: Наука, 1985. 311 с.
- Потемкина Т. М., Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). М., 1995.
- Ковалева В. Т. Энеолит Среднего Зауралья: Андреевская культура: Препринт. Екатеринбург: УрГУ, 1995. 62 с.
- Косарев М. Ф. Древнейшие грузила Нижнего Притоболья // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С.1 5–26.
- Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 282 с.
- Падин В. А. Среднее Подесенье (Трубчевские округа) в VI–V вв. до н. э. — X–XII вв. н. э. по материалам археологических исследований // Очерки по истории археологии Брянской области. Брянск, 2004. Вып. 2.
- Погодин Л. И., Труфанов А. Я. Костяные наконечники стрел поселения Новотроицкое 1 // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993. С. 97–112.
- Ткачев А. А. Раскопки поселения Оськино Болото // Сводный отчет «Археологические и палеоэкологические исследования в Ингальской долине в целях развития фундаментальной науки и использования ее достижений в учебном процессе» ФЦП «Интеграция». Тюмень, 2002.
- Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи // Материалы по археологии Сибири. Новосибирск, 2004. Вып. 4, том 2. 336 с.
- Эверстов С. И. Рыболовство в Сибири. Каменный век. Новосибирск, 1988. 141 с.
- Эпоха бронзы лесной полосы СССР. 1987. С. 109–113.

Тюмень, ИПОС СО РАН

The article cites preliminary results regarding the fortified settlement of Cheganovo 3 dating to the Late Bronze Age and located in the Low Tobol sub-taiga zone on the periphery of the Suzgun and Barkhatovo areals. The paper gives a description of the settlement inventory represented by an assemblage of typical Late Bronze Age artefacts made of bronze, bone, clay, and stone (clay spinners, bobbins, «bricks», small plastic arts, a bronze ring, bone arrow heads, a stone mace, etc.). A pottery assemblage is characterized by mixed Suzgun-and-Barkhatovo features. Groups of the singled out pottery demonstrate ornamental attributes typical of Suzgun and Barkhatovo cultures, though many vessels combine the ornaments typical of both traditions. The osteologic remains discovered at the site were subject to reconstruction of the animal's species composition represented by both wild and domestic individuals. Quantitatively, bones of domestic animals predominated, with those of cattle and horse prevailing. The proportion of the domestic animals, in particular, a bigger amount of cattle, points to the settled stockbreeding. On the whole, the Cheganovo 3 economy could be characterized as an integrated one. Basically, it is of a producing nature (stockbreeding), though with a considerable role of an appropriation constituent (hunting and fishing). Apart from the said main economies, the population used to develop handicrafts including pottery, leather-dressing, woodworking, and weaving.
